

Задача трех тел. Мерхат Шарипжанов – о Сталине, Мао и Хрущёве

Мерхат Шарипжанов

менее минуты назад

 Приоритетный источник в Google



На 2026 год пришлись два коммунистических юбилея, которые на первый взгляд относятся к не похожим друг на друга странам и разным сюжетам истории прошлого века, но на самом деле сильно связаны между собой.

Семьдесят лет назад, в феврале 1956 года, Никита Хрущёв выступил на XX съезде КПСС с закрытым докладом "О культе личности и его последствиях". А десять лет спустя, в 1966 году, Мао Цзэдун запустил в Китае "Великую пролетарскую культурную революцию".

Эти две даты связаны между собой гораздо теснее, чем может показаться. Более того, между хрущёвской десталинизацией и маоистской "культурной революцией" можно провести своеобразную историческую линию.

Если Советский Союз попытался хотя бы частично отойти от сталинской модели развития, то Мао увидел в этом угрозу не только международному коммунизму, но и собственной власти. И спустя десять лет после доклада Хрущёва о культе личности Китай фактически пошёл в противоположном направлении.



СМОТРИ ТАКЖЕ

Два Мадьяра, одна свобода. Мерхат Шарипжанов – о выборах в Венгрии

Хрущёв, конечно, не отказался ни от коммунистической идеологии, ни от однопартийной системы, ни от ленинских догматов. Более того, его критика сталинских преступлений была весьма избирательной. Но произошло нечто чрезвычайно важное: впервые руководитель Советского Союза официально признал, что Сталин организовывал репрессии, преследовал и уничтожал невиновных, в том числе коммунистов. Что особенно важно, одновременно Хрущёв выдвинул концепцию "мирного сосуществования" с Западом и допустил мысль, что в некоторых странах переход к социализму может происходить не обязательно посредством вооружённой революции.

Для Мао это было гораздо опаснее, чем просто спор об истории СССР. Если можно публично осудить самого Сталина после его смерти, то почему нельзя поставить аналогичный вопрос о Мао после его ухода в мир иной? При этом в Китае уже формировался собственный культ вождя, ничуть не уступающий культу "отца народов" в СССР, а то и превосходящий его.

Разоблачение Сталина объективно создавало крайне неприятный прецедент для китайского вождя. В американских дипломатических документах того времени прямо говорится, что атака Хрущёва на Сталина поставила Мао в неудобное положение именно потому, что внутри Компартии Китая существовали опасения по поводу собственного культа Мао.

При этом надо отметить, что отношения Мао со Сталиным были далеко не простыми. У Мао были основания не любить Москву задолго до знаменитого доклада Хрущёва.

Его первая поездка в Советский Союз зимой 1949–1950 годов оставила у китайского лидера весьма неприятные воспоминания. Мао приехал в Москву как победитель гражданской войны и руководитель только что созданной Китайской Народной Республики, рассчитывая на встречу двух равных коммунистических лидеров. Сталин, однако, явно не собирался относиться к нему как к равному.

После первых переговоров Мао на продолжительное время фактически оказался предоставлен сам себе на правительственной даче под Москвой. Он ждал новых встреч со Сталиным и решения вопроса о новом советско-китайском договоре. Позднее возникла даже версия, что китайский лидер находился чуть ли не под домашним арестом. Но это, скорее всего, преувеличение: документальных свидетельств настоящего ареста нет. Однако ощущение унижения и демонстративного пренебрежения со стороны Сталина у Мао действительно осталось.



Иосиф Сталин и Мао Цзедун. С пропагандистского плаката начала 1950-х годов

Поэтому отношения Мао со сталинским наследием были парадоксальными. Он вовсе не был безусловным поклонником Сталина как человека. У него были серьезные личные и политические претензии к хозяину Кремля, который считал себя еще и хозяином всего социалистического мира. Но после смерти Сталина Мао оказался одним из главных защитников сталинской модели власти.

Именно поэтому доклад Хрущёва 1956 года оказался для него столь болезненным. Мао мог критиковать конкретные ошибки Сталина. Но Хрущёв сделал нечто

значительно более опасное: он поставил под сомнение саму легитимность культа вождя и массовых партийных чисток. А это уже касалось самого Мао.

Позднее в разговоре с Хрущёвым китайский вождь даже признавал, что критиковать ошибки Сталина было правильно. Но тут же добавлял: проблема заключалась в том, что Хрущёв, по его мнению, не установил границ этой критики. Можно заключить, что именно здесь находился корень неприятия политики десталинизации китайским лидером: Мао не был готов разрушать сам сталинский принцип власти.

“ Мао не был готов разрушать сам сталинский принцип власти

Постепенно идеологические разногласия превратились в геополитический конфликт. Мао обвинил Хрущёва в "ревизионизме". Советская концепция мирного сосуществования с Западом представлялась

ему фактическим отказом от глобальной революционной борьбы. Особенно раздражала Мао идея о том, что социалисты и коммунисты где-то могут прийти к власти парламентским путём. В его понимании это означало отход от идей не только Сталина, но и Ленина.

Но было бы упрощением утверждать, что конфликт возник исключительно из-за десталинизации. Скорее всего здесь переплелись и идеология, и личное соперничество Хрущёва и Мао, и борьба Москвы и Пекина за лидерство в коммунистическом мире, и ядерный вопрос, и отношения с Тайванем и Индией, и национальные интересы двух огромных государств. И именно на этом фоне Мао начал один из самых грандиозных социальных экспериментов XX века.

В 1958 году, два года после начала десталинизации в СССР, вождь китайских коммунистов провозгласил политику "Большого скачка". По задумке Мао, Китай должен был за считанные годы совершить то, на что индустриальным государствам потребовались десятилетия. Создавались "народные коммуны". Крестьян мобилизовывали на выполнение фантастических производственных планов. По всей стране появились примитивные дворовые печи для выплавки стали. Экономика всё больше подчинялась политическим лозунгам.

Эксперимент, как известно, закончился катастрофой. Следует отметить, что летом 1960 года произошли окончательный отзыв советских специалистов и сворачивание программ технической помощи со стороны Советского Союза, что еще более осложнило положение Китая. Попытка Мао доказать, что Китай способен совершить индустриальный рывок собственными силами и создать свою, более революционную модель социализма привела к экономическому хаосу и массовому голоду.

А политические последствия оказались для Мао Цзедуна не менее опасными. После провала "Большого скачка" китайское руководство было вынуждено отступить от наиболее радикальных экономических экспериментов.



Никита Хрущев осматривает урожай в бескрайних русских полях

Более прагматичные руководители, прежде всего [Лю Шаоци](#), который в свое время был официально признан наследником Мао Цзедуна, но умер в тюрьме в 1969 году в возрасте 70 лет, и [Дэн Сяопин](#), который, несмотря на репрессии и другие испытания, выпавшие на его долю, стал отцом китайского экономического чуда и фактическим руководителем КНР, получили тогда больше возможностей заниматься восстановлением экономики. Мао формально оставался "величайшим лидером революции", но его практическое влияние оказалось ограничено. И именно тогда Мао, реально обнаружив, что его провал значительно ослабил его абсолютную власть, задумывает свой вариант сталинской чистки.

Ответом Мао на ситуацию, которая значительно ухудшила его репутацию, стала [Культурная революция](#). И здесь параллель со сталинскими чистками 1930-х годов действительно становится особенно интересной. Советский диктатор уничтожал реальных и предполагаемых противников прежде всего посредством государства, задействуя партийный аппарат, НКВД, прокуратуру, бесчеловечную лагерную систему, показательные процессы. То есть сталинский террор был бюрократически организован сверху. Мао же выбрал другой механизм. Он мобилизовал общество против самого аппарата. Базой его террора стала молодёжь – подростки и молодые люди.

Миллионы школьников и студентов превращались в хунвэйбинов – "красных стражей" китайской революции. Знакомо звучит, не правда ли? Как-то в унисон с названием структуры в сегодняшнем Иране – Корпуса стражей исламской революции. Мао фактически дал хунвэйбинам политическое разрешение атаковать тех, кого они считали носителями "буржуазной культуры", "ревизионизма" или "капиталистического пути развития".



СМОТРИ ТАКЖЕ

Луна и война. Мерхат Шарипжанов – о перекличке двух эпох

Повсеместно, по всей стране ученики открыто унижали своих учителей, студенты вузов избивали преподавателей и профессоров, партийных чиновников выводили на так называемые "публичные митинги борьбы", где от них требовались раскаяния и признания. Уничтожались книги, архивы, зачастую очень древние и редкие манускрипты, произведения искусства, религиозные объекты, исторические памятники.

Врагов обнаруживали практически везде. И в этом заключалась одна из наиболее страшных особенностей Культурной революции: Мао передал функцию политической чистки толпе.

Сталину для массового террора был нужен мощный репрессивный аппарат. Мао же использовал революционный энтузиазм молодых людей. Это было гениально с точки зрения политической технологии – и чудовищно с точки зрения человеческих последствий.

“ Революция под угрозой, внутри партии появились предатели, а в обществе враги народа. Как знакомо

Молодые люди не имели собственной памяти о революции. Они не участвовали в гражданской войне, не совершали Великий поход и не создавали Китайскую Народную Республику. Зато их можно было убедить, что революция под угрозой, внутри партии появились предатели, а в обществе враги

народа. Как знакомо.

Молодых энтузиастов с цитатниками Мао в руках можно было легко убедить, что Китай может, как и Советский Союз, предать идеи марксизма-ленинизма, и что однажды после смерти Мао появится китайский Хрущёв и объявит самого Мао

преступником. Видимо, именно страх перед "китайским Хрущёвым" стал важнейшим связующим звеном между 1956 и 1966 годами.

После провала "Большого скачка" руководство Китая действительно вынуждено было перейти к более прагматичной экономической политике, которую Мао воспринимал как опасное движение в сторону советского "ревизионизма". Американские аналитические документы того периода связывали начало Культурной революции одновременно с желанием Мао вернуть себе политическое влияние и с его стремлением уничтожить то, что он считал бюрократизацией и "капиталистическими тенденциями".

И вот здесь два юбилея сходятся в одной точке.

1956 год поставил перед коммунистическим миром вопрос: что делать со сталинским наследием? Хрущёв ответил: культ личности необходимо осудить, массовые репрессии признать преступными, а систему, пусть очень ограниченно и непоследовательно, изменить.

Мао же сделал другой вывод. Он увидел в десталинизации не исправление коммунистической системы, а её предательство.

Другими словами, если Хрущёв боялся повторения сталинского террора, то Мао боялся появления собственного Хрущёва. Поэтому спустя десять лет после XX съезда КПСС Китай начал политическую кампанию, которая во многих отношениях воспроизводила логику сталинских чисток, хотя использовала совершенно иной социальный механизм.

Мерхат Шарипжанов – журналист и политический аналитик

Высказанные в рубрике "Блоги" мнения могут не отражать точку зрения редакции



Мерхат Шарипжанов

Этот контент также в категориях

Блоги

История

Мнения